

ОБИДА ТОДЖИХОН МИРЗАЕВОЙ

Рассказ

С низко опущенной головой сидел Сафар перед секретарем горкома партии Тоджихон Мирзаевой. Казалось, не поднять головы, не разжать плотно сомкнутых губ. Мирзаева старалась не показать ему, что чувствует его тревогу и смущение.

Сколько требовали приличия, говорили о делах города, о видах на урожай хлопка. Тоджихон терпеливо ждала, зная, что неуместная торопливость обидела бы Сафара.

Тяжелые думы были у него на сердце. Почему не дал аллах счастья Лозокат? Вспомнил, какой неподвижный был взгляд у дочери, когда говорила о том, что даже обед, который готовит она, стал не по вкусу Рустаму. В горькую усмешку сложились губы старика: когда кошка хочет съесть детеныша, то говорит, что от него пахнет мышью.

Вчера не выдержала Лозокат, горько расплакалась перед Сафаром:

— Не осуждайте меня, отец, но некому, кроме вас, рассказать мне о своем горе: потеряла я сердце Рустама, отец. Не больше служанки я в доме.

Долго колебался Сафар, прежде чем пойти к Мирзаевой.

Смолоду слышал от стариков простую истину: нельзя пускать глаз постороннего в свой дом. Жизнь убедила в другом. Непрерывно идет жизнь вперед. Человек мудр, пока он ищет мудрости, но когда думает, что нашел ее и останавливается — теряет голову. Большая семья сейчас у каждого и не хватает жизни, чтобы отдать ее заботам о большом доме своем. Нет этой большой семьи у Лозокат, узким кругом сомкнулись вокруг нее стены дома. Что делать ему, старому Сафару, когда горе легло на плечи его дочери? Ждать? Нет, сперва

привяжи своего ишака, потом поручай его аллаху. Разве дадут плод виноградные лозы, если не приложить к ним свой труд? Разве что-нибудь сваливалось ему с неба? Нет, если бессилен он, пусть помогут Лозокат другие: благополучие — в действии.

И словно в ответ на его мысли Мирзаева выпрямилась и испытующе посмотрела ему в глаза.

Сафар взглянул в спокойное лицо женщины, сидящей перед ним, — сеть морщинок отложила на нем жизнь, морозом коснулась висков, — перевел глаза на ее смуглые, крепкие руки, лежавшие на столе, встретился с ее внимательным и таким понимающим взглядом. Он погладил бороду, отвел глаза в сторону и заговорил:

— Горе в доме моем, сестра! Приди и посмотри.

Тоджихон Мирзаева шла улицей. Высокие тополя сплетались ветвями над ее головой. По дороге только что пропылила зеленая «Победа», а сейчас со скрипом ползла старая арба. Из-за кривых глиняных дувалов свисали вниз отягченные плодами ветви яблонь, высоко на решетках из тонких жердей раскинулся виноград. Гроздь его, наливаясь соком, уже кое-где начинали синеть. Бритоголовый босой мальчишка в черной тюбетейке, в полосатой рубашке из маты, перетянутый в поясе желтым шелковым поясом, гортанно кричал на ишака, а тот и ухом не пел.

Каждый поворот узкой улицы так знаком Тоджихон. Но сейчас после разговора с Сафаром, ей тревожно и трудно. Не одна Лозокат томится сейчас, уйдя от жизни и не получив счастья.

Тоджихон ясно представляла себе маленькую Лозокат, вот такую же, как

эти школьницы в пестрых платьях, что бегут сейчас навстречу. Их черные бесчисленные косички колеблются, оттеняя румяные смеющиеся лица, блеск глаз. Жизнь впереди. Вся жизнь. Огромная. Прекрасная.

Они вместе учились в техникуме, Лозокат и Рустам, вместе мечтали о будущем. Была весна. Цвел миндаль. Шутя, накинула на себя Лозокат материнскую паранджу. Сильная рука Рустама отбросила чачван с ее лица. «Никогда не скрою твоих глаз, звездочка, от людей. Смотри на мир и радуйся вместе со мной».

Родился сын, и Рустам уговорил жену уйти с работы. Сначала она тревожилась, не находила себе места. Рустам успокаивал: «Арык, который течет во дворе дома, можно не замечать, но жить без него нельзя!» — говорил он с улыбкой, и жена отвечала ему счастливым любящим взглядом.

Потом родилась Закия. Все больше старилась свекровь. Все больше ложилось работы на плечи Лозокат. Долгими часами работала в саду, ухаживая за гранатами и виноградом. Весь день неслышно скользили по дому маленькие босые ноги Лозокат. Лаская сынишку, прижималась к его крепко сбитому тельцу, стремясь в нем, маленьком и ничего не понимающем, найти себе защиту, его улыбкой, так похожей на улыбку Рустама, оградить себя от возможного горя.

Но все меньше говорил Рустам с женой, все снисходительнее был его тон, все реже оставался он дома, даже в свободное время. Там, за стенами дома, бывает он горячим, увлеченным, напористым в работе, здесь он скупен и равнодушен.

Вечерами сидела за прялкой. Между пальцами бежала тонкая нить, торопливая, горячая, темные тени плясали по углам. Напрасно вслушивалась — не раздадутся ли шаги Рустама.

Подбрасывала углей в сандал, чтобы не остыл чай и ужин Рустаму, ложилась, не раздеваясь, готовая

вскочить при первом стуке.

Тоджихон представляла себе эти долгие дни, вечера, эти ночные одинокие часы: Лозокат, Лозокат, а не тебе ли вручали премию вместе с другими воспитательницами детского сада! Рустам был тогда среди гостей, смущенный и гордый тобой. Тоджихон видела, как ласково коснулся он руки Лозокат...

На помосте чайханы, крытом войлоком и коврами, сидели люди, попивая душистый и бодрящий кок-чай. В тени огромного тутовника было прохладно, кто-то окликнул Тоджихон, поднялся, предлагая ей пиалу. Она ответила на привет, но не присела, прошла мимо.

Вспомнились слова старой узбекской песни.

Эй, хозяин, дай мне подушку под локоть,

Я пойду в чайхану и лягу среди людей,

А женщины пусть сидят дома
И дышат его воздухом.

Старые женщины умрут,
Дочери будут сидеть дома,
А сын прибежит в чайхану
И ляжет подле меня.

Эй, хозяин, дай мне подушку под локоть

Для меня и моего сына.

Глухой гнев все больше овладевал Тоджихон. Встретить бы сейчас Рустама: с каким бы удовольствием она бросила ему в лицо гневные, негодующие слова: как он смеет считать себя большим и нужным в жизни и забыть о жене.

Лозокат она застала за резкой кукурузных стеблей для баранов. На деревянном помосте стояла огромная ступка. Словно ударило Тоджихон в сердце. Вспомнилось, сколько часов провела она в свое время, поднимая и опуская обеими руками тяжелый пест, отупляющим, однообразным движением: отделяла рис от шелухи, растирала кукурузные зерна на муку. Но

ведь годы, годы прошли. Жизнь изменилась. А эта проклятая ступа жива. В ней толкла шалу неграмотная девчонка Тоджихон и в ней толчет шалу Лозокат. Она окончила техникум, муж у нее большой работник, а проклятая ступка незыблемо стоит у стены.

И вдруг Тоджихон почувствовала огромную, захлестнувшую сердце обиду: она шла сюда с нежной заботой и жалостью к этой женщине, такой тихой и покорной, а сейчас другое чувство овладело всем существом. Разве она, Тоджихон, была старше или сильнее, когда искала в жизни свою дорогу. Вот шагнуть сейчас навстречу Лозокат, поглядеть ей прямо в глаза, вложив в свой взгляд всю силу обиды и гнева, и сказать.

— Ты дезертир! Ты понимаешь, что ты дезертир, Лозокат?

Но Тоджихон сдержалась. Она вошла в дом. Она играла с Каримом, она смотрела и хвалила вышивки Лозокат, обещала ей узор для сюзана: на лиловом бархате, словно языки пламени, взвиваются желто-красные завитки, окружает их свободный росчерк узора, и заключен каждый из них в кольцо причудливых линий. Она спрашивала о Рустаме. И, наконец, заговорила о самом сокровенном.

— Сегодня для меня памятный день,— медленно сказала Тоджихон.— Много лет назад в этот день ножевым ударом рассчитался со мной муж за то, что новый интерес нашла я в жизни.

Послушай рассказ мой..

Не было счастья в доме Усмана, моего отца, если счастье в шелках, в коврах и богатстве... Но говорят, что среди людей самый терпеливый тот, который прячет свою бедность, самый богатый тот, который довольствуется тем, что у него есть... Если счастье в здоровье, если счастье в покое и честности,— счастлив был мой отец... Была у него красавица жена, была любимая дочь Тоджихон. Никогда не унывал отец: если нет лепешек из кислого теста, пеки пресные,— говорил отец; по одеялу протягивай ноги,—

говорил; работай, а все остальное придет,— говорил.

И верно, с каждым днем все чаще заглядывало солнце к нам в дом, казалось, что счастье отметило его своим прикосновением. Я была в это время подростком. Тогда девочки не учились в школе, я помогала матери, научилась вышивать шелками тюбетейки, звонким был мой голос, когда пела я песни. Но говорят: приготовься к несчастью раньше, чем придет оно. Однажды с крыши строившейся мечети свалился мастер Усман и минуты не жил... С тех пор черное покрывало упало на жизнь. Помогать нам было некому: не знаю, как, но скоро лишились мы и дома, и сада, мы ютились в полутемной комнатке у дальних родственников, с утра до вечера работала мать, снег упал на ее черные косы, в полгода не осталось и следа от ее былой прелести. Я с утра до ночи помогала матери. И все-таки в холоде, в нужде, в непрерывной работе находила чему радоваться. И если роза оказывалась в моих руках,— радовалась я, зажигались звезды на небе,— радовалась я, называла меня мать ласковым словом,— радовалась я. Но и этой маленькой радости настал конец.

— Тебе скоро четырнадцать,— сказала мне мать,— богатый человек берет тебя в жены. Может быть, ты будешь счастлива и не оставишь заботами мать.

Я радовалась новым платьям и бархатной голубой парандже, сладям, вкус которых узнала почти впервые. Жениха по обычаю того времени я не видела.

Темной ночью с факелами приехала за мной арба. Играла чурманда, пели женщины щемящее и радостное «яр-яр», и сердце мое было наполнено гордостью и ожиданием. И даже весть о том, что под шестьдесят лет Тохтасуну, моему будущему мужу, и что я буду третьей женой у него, не задела сердца...

Замолчала Тоджихон, — много лет прошло, но никогда не могла справиться с волнением, вспоминая, как осталась с глазу на глаз со стариком.

Словно живой, стоял перед глазами, никогда не сотрет прикосновение липких рук, вечно будут в памяти тонкие синие губы, трясущаяся седая борода, глаза с сетью красных прожилок. Отбивалась, кричала, кусала руки, плакала, просила. И ничто не помогло...

Взглянула на Лозокат. Ее поколение уже не знает насилия над самым заветным, оскорбления и позора неравного брака.

— Тяжелые дни, Лозокат, потянулись для меня. Нури и Зульфия, жены моего мужа, ненавидели меня. Я узнала всю горечь, все обиды, всю тяжесть труда.

Какой радостью для них было вызвать его гнев против меня. «Сегодня целый час сидела Тоджихон с улыбкой на лице,— видно, думала о милом»,— говорила Нури. «Сегодня, когда Тоджихон шла по улице, не по закону придерживала она край паранджи, видно, хотела, чтобы видели молодые йигиты красоту ее руки»,— говорила Зульфия. И тогда Тохтасун приходил в ярость, бросал меня на пол, топтал ногами. Закусив губы, видела я разъяренное красное лицо Тохтасуна, торжествующую улыбку на лице Зульфийи, презрительно и радостно сомкнутые губы Нури. «Так, так, дорогой муж, покажите ей, этой лентяйке, все мысли которой заняты молодыми йигитами»,— доносился ко мне шипящий голос Зульфийи.

О, я терпела бы побои, если бы хоть ночью оставлял он меня в покое. Хуже побоев были его ласки. Распаляемый ночной тишиной, моей неприветливостью и непокорностью, брался муж за мое воспитание, сменяя удары ласками и ласки ударами, и не знаю, что было ужаснее для меня.

Тихо-тихо сидела Лозокат, боясь нарушить течение воспоминаний, чувствуя, что и сейчас, через много лет, не смягчилась боль.

— Я решила умереть,— продолжала Тоджихон,— ни откуда не видела я просвета. Я не боялась смерти; наоборот,

она казалась мне избавлением. Из длинного пояса своего мужа сделала я петлю. Я не прощалась ни с кем и ни с чем, мне не с чем было прощаться, я торопилась, чтобы никто не помешал. И все-таки мне помешали. Когда я пришла в себя, то увидела над собой бледное, взволнованное лицо мужа. Устало закрыла глаза. «Неужели не жжет вас, дорогой муж, позор, который навлекает она на вашу голову. Можно подумать, что вы не кормили ее и не дарили ей ласку»,— шипела Зульфия. И вдруг я услышала голос Нури. «Дайте ей покой»,— твердо сказала она. Не знаю почему, но муж послушался ее и оставил меня в покое.

С тех пор снова место на одеяле мужа заняла Зульфия, изредка Нури, а я была забыта. Как счастлива я была. Я делала всю самую тяжелую работу, я прислуживала Зульфийи и Нури, я старалась не попадаться мужу на глаза, прятала блеск глаз и не расчесывала волос, чтобы не привлечь его внимания. Прошел почти год. Мы, женщины, не знали того, что происходит за стенами дома, только очень далекие отголоски доносились до нас. Там были какие-то «большевики», о них говорили тревожным шепотом, с глазами, округлившимися до ужаса. Тохтасун ненавидел их. Пусть они были страшны, как шайтаны, пусть хуже шайтанов, но он боялся их, и за это я готова была любить их.

Мысль о большевиках убила его: у жирного барана жизнь коротка. Однажды он вернулся расстроенный, кричал, что не дают они жизни правозверным, а утром не встал. Люди говорили, что разорвалось его сердце. Зульфия и Нури плакали, я молчала, вызывая осуждение всех окружающих. Они постарались поскорее отделаться от меня, боясь, что я потребую себе части в разделе имущества. Нури устроила меня в доме своей родственницы. Я не ела даром хлеб, и хотя мне подчас говорили об этом, но я знала, что это не так: утром весь дом спал и еще бледные звезды не гасли на небе, к вставала,

кормила скот, чистила сараи, подметала двор и начинала день, длинный день, к концу которого падала от усталости. Я имела лепешку, иногда кости и шурпу, но сердце мое было спокойно.

В доме тоже говорили о большевиках, говорили о том, что в городе появилась женщина с открытым лицом; ой, вайдот! Позор на всей ее семье, на семье женщины, которая забыла стыд и честь, лучше бы умерла она, чем позорила свою семью и всех узбекских женщин!

И вот однажды я встретила ее. Она шла по улице, сдвинув свои черные брови, похожие на два крыла птицы, свои тонкие брови, похожие на острие меча. Глаза ее... Что скажу я тебе, Лозокат, о них? Сейчас много женщин с такими глазами и, может быть, ты даже не поймешь меня. Я впервые увидела глаза женщины, между которыми и миром не было ничего, разделявшего их. Всем миром владели они в его настоящих красках и формах и всему миру дарили они свое сияние. Она шла спокойно, не замечая того, что мужчины останавливаются и глядят ей вслед. Как глядят? Сейчас ты не увидишь таких взглядов, Лозокат. Не годы разделяют нас с тобой — два разных мира видели мы... Они глядели ей вслед с насмешкой, с презрением, с ненавистью. Но она шла, не чувствуя этих взглядов, хотя они огнем должны были жечь ей спину. Две тяжелые косы спускались из-под голубой, шитой серебром тюбетейки. Они колебались при каждом движении ее стройного стана.

Я смотрела ей вслед, совершенно пораженная, почти задыхаясь от какого-то непонятного мне чувства торжества и гордости. Так прекрасна она была в своем спокойствии, так уверена в своей правоте, так сильна и богата. Она одна владела тем, чем не владела ни одна женщина города — она имела собственную волю. Она уже готова была скрыться за углом, как вдруг, не сознавая, что я делаю, я пошла за ней. Я шла издали, не стараясь догнать ее. Женщина скрылась в доме, я присела на землю, прислонилась

спиной к дереву. Я сидела долго, очень долго. Я не спрашивала себя, зачем я сижу. Не говорила себе, что хозяева потеряли терпение. Наконец, она вышла, бросила на меня беглый взгляд и пошла мимо. И опять с бьющимся сердцем вскочила я и, стараясь не приближаться к ней, я пошла сзади. Навстречу ей вышел узбек. Он остановился. Она поздоровалась с ним коротким, быстрым движением, как здоровались тогда только русские. Не опуская взгляда, не зардевшись пламенем стыда, не пытаясь закрыть лицо хотя бы рукавом, она говорила на улице с мужчиной, а мимо шли люди, и сгореть можно было от взгляда каждого из них. Мне стало страшно, Лозокат; показалось, что аллах пошлет молнию на землю; мне хотелось убежать, но что-то сковало движения. Я почти без сил, совершенно потрясенная опустилась на землю. Она заметила меня и пошла прямо ко мне. Я не сделала ни шагу, я только выпрямилась.

— Ты хочешь мне что-то сказать, сестра?— спросила она мягким грудным голосом.

— Нет,— еле смогла я произнести.

Тогда она посмотрела на меня, словно что-то обдумывая.

— Пойдем со мной,— сказала она,— ты расскажешь мне, как тебя зовут, откуда ты, кто твой отец.

Я не двигалась. Легкая улыбка понимания скользнула по ее губам.

— Ты боишься идти рядом, со мной? Ну, так иди сзади...

Крепко с того дня взяла в руки мою жизнь Равзахон Хамидова (так звали ее, первую женщину в нашем городе, что посмела идти своим путем). Всего десять лет разница между нами, но дочерью и сейчас называет она меня. Не хочу ни в чем упрекнуть я мать, она дала мне, что могла, она ожидала счастья от брака моего с Тохтасуном, но сейчас называю я матерью Равзахон.

Не знаю, что рассказывать тебе дальше, Лозокат. Для меня был событием каждый день. Он казался мне необъятно большим к прекрасным.

Каждый день и каждый час были ступенькой вверх. Каждая буква казалась ключом, который отмыкает новый мир. Ты училась в школе, Лозокат. Ты никогда не поймешь, что может испытать взрослый человек, вокруг которого разомкнулась тьма, человек, который почувствовал себя человеком.

Тоджихон положила руку на плечо Лозокат, смягчая упрек, и медленно, заставляя вдумываться в каждое слово, сказала:

— И ты, наверное, не понимаешь моей обиды на тебя, Лозокат. ...Это обида женщины, которая одной из первых прокладывала для других дорогу. Как не легко было нам, Лозокат. Если бы ты знала, как не легко! И вот дорога была чиста перед тобой,— только бы идти и идти тебе вперед! — Тоджихон помолчала, справляясь с волнением, и вдруг закончила жарким шепотом:— Почему ты остановилась, Лозокат, почему ты остановилась? Почему весь мир заменила ты узким кольцом своего двора?

Заметив ответное движение Лозокат, перебила ее:

— Подожди, слушай дальше. Я расскажу тебе, как сняла паранджу. Я была уже работником среди женщин,— а все-таки паранджи не снимала. Я вышла второй раз замуж. Муж мой был хорошим человеком, коммунистом. Но если бы ты знала, как мало он понимал тогда... В нашем доме соблюдали все обычаи. Если ты придешь ко мне, я покажу тебе любопытную фотографию: среди работников горкома, рядом с Равзахон, сидит женщина в парандже — она не рискнула ее снять перед фотографом. Это мой портрет, Лозокат. На работе я снимала ее, а, выходя за порог, снова опускала чачван на лицо, отделяя себя от всего мира...

И вот я в Ташкенте на съезде. Меня выбрали в президиум. Мой муж был тут же в зале. Я сидела за столом президиума в парандже, а рядом со мной сидел тот, кого знал и любил весь узбекский народ.

Он наклонился ко мне и сказал:

«Тоджихон, расскажи о том, как живет узбекская женщина. Только говорить тебе будет неудобно, тебе придется снять чачван, тебе давно пора снять его». По другую от меня сторону сидела Равзахон. Она ответила ему взмахом ресниц: «Давно пора, Тоджи, дочь моего сердца». Этот шаг от стола президиума до трибуны, это движение руки, срывающей черный чачван... биение сердца, рождение своей воли... Как сказать обо всем этом? Что говорила я? Не помню... Я села на место. Люди хлопали. Как они хлопали!.. Не мне, Лозокат,— жизни, которая оказалась сильнее предрассудков; партии — она повела меня вперед, сорвала черную преграду между мной и миром. Вот чему хлопали люди. Я сидела, низко склонив голову. Я видела только пылающую-красную скатерть перед глазами,— вероятно, так же пылало мое лицо и так же пылало сердце.

Потом я чуть подняла глаза. Передо мной был графин с водой. В нем билось маленькое солнце. Я взглянула на Равзахон, она улыбалась мне. Потом я взглянула прямо перед собой. Сначала я ничего не увидела от волнения, только какое-то неопределенное пятно. Постепенно из него выступили лица, глаза. Вот я увидела лицо своего мужа. Я только сейчас вспомнила о нем. Его глаза были изумленными. Сердце мое упало: что скажет он? Но он ничего не сказал — ни да, ни нет. Он молчал, но на улице он беспокойно озирался по сторонам, словно взгляды встречных жгли его, а не меня. Когда мы ехали в поезде, он исчезал каждую остановку. Наконец, он вернулся веселый, оживленный и бросил мне на колени узел, завязанный в платок. На моих коленях снова лежала черная волосная сетка, серый халат без рукавов... По улицам города мы шли, как всегда: муж впереди, я за ним, и снова черная сетка отделяла меня от мира...

С этого и началось. Приехала Равзахон. Она упрекнула меня во лжи. Я вернулась домой с открытым лицом... Ад начался в доме. Муж требовал, чтоб я бросила работу, грозил, умолял. Я

любила его, Лозокат, и все-таки я ушла от него. Мне было страшно потом его горящих глаз, когда встречались мы на улице... Однажды я шла с группой товарищей... Да, это все были мужчины... Один из них поддержал меня под руку, чтобы, помочь перепрыгнуть через арык. И в эту минуту я увидела своего мужа. Бледный, стоял он в трех шагах от меня, и глаза его были глазами Меджнуна...

Вечером я вышла из горкома поздно. Поворачивая к своему дому, услышала за собой шаги. Почему-то сразу почувствовала страх. Я пошла быстрее, боясь оглянуться. Я хотела крикнуть, но никого не было, вокруг. Чья-то рука схватила меня за плечо...

— Ой, сестра! — не сдержала возгласа Лозокат.

— Глаза мужа горели перед моими глазами.— «Я люблю тебя,— задыхаясь, сказал он,— но жизнь твоя окончена»... В руке его был нож. Я даже вскрикнуть не успела, упала, обливаясь кровью.

— Дальше, дорогая сестра, дальше,— торопила Лозокат.

— Проходили с фонарем жители этого квартала, внесли в дом. Спорили, нужно ли спасти меня, «женщину без чести», или дать мне истечь кровью... Все-таки спасли — помог закон гостеприимства...

Она снова замолчала, переживая далекое прошлое.

— Вы потом третий раз вышли замуж?— спросила Лозокат, зная всеми уважаемого в городе Хамдама Мирзаева, мужа Тоджихон.

— Нет, — засмеялась Тоджихон,— или, вернее, да. Когда меня спросили, не знаю ли я, кто покушался на убийство, я вспомнила взгляд мужа, его слова... Ему было нелегко, Лозокат... Чтобы рвать со старым, нужно было большое мужество, а он тоже еще только рос в то время,— и я промолчала... Он хотел сам заявить на себя. Я не разрешила. Потом, через два года мы встретились на другой дороге. И я, и он руководили ткацкими

артелями. Мы соревновались. Красное знамя получила артель «Янги кадам», которой руководила я. Потом было землетрясение, помещение нашей артели было разрушено, и он привел своих рабочих на стройку... Об этом расскажу подробнее в другой раз. А в общем, я вернулась в дом мужа. Мы счастливы и равны в труде и радости...

Тоджихон пристально взглянула в глаза Лозокат:

— Ты хочешь знать, зачем рассказывала я тебе свою жизнь?

Лозокат отрицательно повела головой, ответила медленно и серьезно.

— Я знаю, сестра! Простите меня... И помогите...

Вечерние длинные, тени тополей перечеркнули всю улицу. Тоджихон шла медленно, она устала за день — уже давали знать себя годы. Но на сердце было спокойно, чувство обиды сменилось уверенностью: Лозокат придет завтра в горком, Лозокат вырвется из душных стен своего дома, она найдет себя. И пусть еще немало придется поговорить с ней и немало повоевать с Рустамом — а все-таки победит жизнь.

Все спокойнее текли мысли Тоджихон, всем существом ею овладела счастливая усталость человека, который всласть поработал, добился того, чего хотел, и которому предстоит хорошо отдохнуть в кругу семьи,

Скрипнула калитка, и на ее пороге выросла молодая женщина с ребенком на руках. Она обрадованно зарделась, увидев наконец Тоджихон.

— Зайдите, сестра, прошу вас, зайдите,— заволновалась она.

Тоджихон взяла у нее с рук малыша с круглыми глазами совенка, переступила через порог.

Ну, что ж, если она нужна, она войдет и сюда...